

УДК 347.736

Осокин Александр Владиславович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

osokin2001@yandex.ru

Osokin Alexander

Lomonosov Moscow State University

Faculty of Law

Russia, Moscow

ЛИЧНОЕ БАНКРОТСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Аннотация: непрекращающиеся кризисные явления в мировой и отечественной экономике ставят перед государством как всеобщим регулятором жизнедеятельности человека непростой выбор: либо оставаться отрешенным от решения проблем человека по модели либеральной экономики (доктрина *laissez-faire*), и, как следствие рисковать своим статусом и легитимностью, либо усиливать вмешательство в личные дела граждан и юридических лиц. Для достижения второй цели целесообразно конституционно-правовая легитимация соответствующих полномочий, обосновывающих такое публично-правовое вмешательство в права и свободы человека, создать правовые основы для подобного вмешательства.

Ключевые слова: личное банкротство, право на банкротство, конституционное право, пропорциональность, баланс интересов.

PERSONAL INSOLVENCY AS AN ELEMENT OF A CONSTITUTIONAL STATUS

Annotation: the ongoing crisis phenomena in the global and domestic economy put before the state as a universal regulator of human life activity a difficult choice: either to remain detached from solving human problems according to the model of liberal economics (*laissez-faire* doctrine), and, as a consequence, to risk its status and legitimacy, or to increase intervention in the personal affairs of citizens and legal entities. To achieve the second goal, it is advisable to constitutionally and legally legitimize the relevant powers that justify such public-law interference in human rights and freedoms, to create a legal basis for such interference.

Key words: personal bankruptcy, right to bankruptcy, constitutional right, proportionality, balance of interests.

Выбор модели поведения государства в современном мире актуализирует давнюю проблему о роли государства в регулировании жизни людей: станет ли оно Левиафаном, или же выберет более сбалансированную модель, учитывающую права и законные интересы всего многообразия конституционных акторов? С учетом социального характера Российского государства [1], следует отметить, что оно связано в выборе сбалансированной модели публично-правового вмешательства, однако, с приматом прав и свобод человека и гражданина. Как верно отмечает проф. С.А. Авакьян, на основе экономических и общественных процессов, конституционно-юридических норм и правил жизни людей, их психологии и взглядов, социальность воплощается в совокупность как масштабной политики государства и институтов публичной власти, а также миллионов вариантов поведения конкретных индивидов [2, с. 9]. В этой связи государству надлежит предоставлять лишь конкретное правовое средство, которое будет использоваться субъектами по собственному наитию, с учетом собственных целей и интересов.

Еще Л.Д. Воеводин писал, что реставрация частной собственности создает основу для определенной независимости гражданина от государства; при этом государство создает ряд социальных гарантий для граждан, которые обладают

как безвозмездной, так и возмездной природой [3, с. 12]. На мой взгляд, в подобную ситуацию отлично вписывается институт несостоятельности (банкротства) гражданина, или институт личного банкротства, как индикатор вмешательства государства в регулирование социально-экономических отношений. Непосредственно Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) косвенно подтвердил конфликтный характер института банкротства, который затрагивает одновременно интересы публичной власти, хозяйствующих субъектов и граждан (одновременно как должников, так и потребителей конкретных товаров и услуг) [4]. Следовательно, институт несостоятельности (банкротства), который, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к конституционному статусу личности, значительно затрагивает права и свободы человека, освобождая его от долгового бремени в сложных жизненных ситуациях.

В отличие от классического института несостоятельности (банкротства), существующего в современной экономике достаточно давно, «молодой» институт российского банкротства граждан обладает ярко выраженными социальными функциями, направленными на реабилитацию гражданина и освобождение его от накопившихся долгов. Сам по себе факт легализации института личного банкротства – большое достижение отечественного законодателя по реализации социальной функции Российского государства. В этой связи целесообразно рассмотрение личного банкротства как объекта конституционно-правового регулирования и элемента конституционного статуса личности.

1. Право на личное банкротство: есть ли ему место в Конституции? В ходе реформирования Конституции РФ в 2020 г. в нее были внесены ключевые положения, которые являются ответом государства на вызовы современности: в частности, декларируется создание условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, обеспечение сбалансированности прав и обязанностей граждан, а также экономическая,

политическая и социальная солидарность [1]. Несмотря на кажущуюся абстрактность данных законоположений, в совокупности с ч. 1 ст. 7 Конституции РФ они могут свидетельствовать о необходимости создания правовых механизмов по повышению благосостояния граждан, а также созданию достойных условий их жизни. В этой связи проф. С.А. Авакьян отмечает, что положения новой ст. 75.1 Конституции РФ неясны и допускают различные толкования, поскольку до сих пор неясно, пойдём ли мы вперед по пути более глубокого расслоения людей по их материальному положению и отношению к средствам производства, или же попытаемся сгладить социальное неравенство в экономике, характерное для постсоциалистической реальности [5, с. 70-80].

Представляется, что в данном случае легализация ст. 75.1 в конституционных новеллах является свидетельством определенных шагов публичной власти по достижению экономического равенства, одним из которых стал институт личного банкротства. При этом решение законодателя о внедрении института банкротства граждан в отечественный механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) следует рассматривать как запоздалое, поскольку реальная потребность в освобождении граждан от накопившейся задолженности наметилась после экономического кризиса 2008 г., а не кризиса 2014-2015 гг. Но сам по себе факт внедрения института банкротства граждан в отечественную правовую систему является серьезным достижением, поскольку не всякий европейский правопорядок предоставляет гражданину такой правовой инструмент как процедура банкротства.

В данном случае примечателен зарубежный опыт конституционного регулирования личного банкротства. Впервые социальная функция банкротства была продекларирована в США в связи с Великой депрессией 1929-1933 гг., поскольку институт личного банкротства представлялся весьма успешным инструментом по освобождению от потенциально безнадежной дебиторской задолженности перед кредиторами. Указанная ситуация является частным

случаем проявления доктрины «fresh start», получившей свое развитие в американском банкротстве граждан [6, с. 325-326; 7].

В деле *Local Loan Co. v. Hunt* Верховный Суд США указал, что одной из основных целей банкротства является избавление добросовестного должника от бремени гнетущих долговых обязательств и предоставление ему возможности начать все сначала [8]. Данная доктрина подразумевает, что целью такого правового инструмента как банкротство, а в особенности – банкротство граждан, является освобождение хозяйствующего субъекта от оков обязательств и его обновление как рыночного субъекта, способного эффективно функционировать в рыночной экономике. Важной особенностью применения данного инструмента является добросовестность несостоятельного должника, который оказался неплатежеспособным в силу стечения рыночных обстоятельств, т.н. провалов рынка, не подвластных его действиям. Следовательно, реализация данной концепции во всяком современном законодательстве является необходимой в связи с высоким уровнем закредитованности населения и непрекращающимися экономическими кризисами.

На мой взгляд, целесообразно отнесение права гражданина на личное банкротство ко второму поколению прав, а, в частности, к социально-экономическим правам, которые обеспечивали благополучие человека в условиях создания смешанной экономики. При этом американская наука конституционного права, как и, несомненно, всякая иная правовая традиция, не рассматривали банкротство как объект конституционно-правового регулирования.

В данном случае примечательно прямое упоминание института банкротства в тексте Конституции США в контексте того, что Конгресс США вправе издавать законодательные акты в сфере банкротства на всей территории США [9]. Конституционализация данной категории, по мнению американского правоведа J.C. Lipson'a, представляет собой ситуацию банкротной исключительности как объекта конституционного регулирования. В частности,

он доказывает, что банкротство является исключительным случаем вторжения публичной власти в регулирование экономических отношений, когда такое вторжение обосновано экономическими кризисами и основывается на суверенном иммунитете государства [10, с. 610-612]. Подобная позиция является, на мой взгляд, универсальной, поскольку всякое публичное регулирование экономической деятельности – вторжение в сферу преимущественно частных интересов. При этом для соразмерного вторжения надлежит обосновать соответствующую необходимость и пределы подобного вторжения.

2. Личное банкротство: пропорциональность и баланс интересов.

Конституционное регулирование института личного банкротства целесообразно рассматривать с точки зрения теста на пропорциональность, широко распространенного в практике ряда конституционных и международных судов. В частности, примечателен подход Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) для определения пределов вмешательств публичной власти в частные отношения. Практика ЕСПЧ выработала следующие элементы теста на пропорциональность, который является универсальным способом легитимации правомерности или неправомерности вторжения публичной власти: (i) законная цель [11]; (ii) законность вмешательства [12]; (iii) пригодность средства [13]; (iv) необходимость вмешательства [14]; (v) балансирование ущерба и выгоды [15]. Данные критерии не являются исключением и в контексте регулирования личного банкротства как объекта регулирования с точки зрения прав человека.

Важно отметить, что сама по себе процедура банкротства является процедурой распределения имущества в ситуации имущественной несостоятельности должника. В этой связи подход ЕСПЧ к банкротству может рассматриваться через призму справедливого и надлежащего судебного разбирательства, которое является гарантией права собственности и иных имущественных прав человека, поскольку ненадлежащее распределение имущества должника, не способного к управлению собственными активами,

может усугубить как экономический эффект от невозможности осуществления эффективного управления имуществом, но и поставить под угрозу реализацию социально-экономических прав граждан [16]. В этой связи внимание государства к процедуре банкротства связано, прежде всего с тем, чтобы перераспределить assets и liabilities таким образом, чтобы соблюсти баланс интересов различных субъектов.

Сам по себе тест на пропорциональность применительно к процедуре личного банкротства никогда не применялся, поскольку механизм банкротства составляет преимущественно сферу внутригосударственного права, которая косвенно пересекается с международно-правовой защитой прав человека. При этом, на мой взгляд, целесообразно обозначить проблемы, возникающие в связи с рассмотрением пропорциональности вмешательства государства в контексте банкротства.

Применительно к законной цели, а также пригодности средств данного института следует отметить, что личное банкротство направлено достижение целей и задач социального государства – освобождение человека от обременительных долгов, а также стимулирование к использованию механизмов реабилитации, повышения уровня финансовой грамотности и повышения рациональности в активности конкретного субъекта. В целом, цель поддержки граждан в условиях постоянной турбулентности является вполне законной, более того, если сам законодатель создал правовое оформление соответствующей поддержки населения.

При рассмотрении законности и необходимости вмешательства, в данном случае вряд ли приходится сомневаться в том, что государство лишь создает правовую оболочку, предусматривая правила игры для граждан и иных участников процедуры личного банкротства. Сам по себе вопрос законности подобного вмешательства не стоит, поскольку он был решен достаточно давно – рыночная экономика не придумала иного, более эффективного, способа распределения имущества и удовлетворения требований кредиторов с учетом

интересов гражданина, чем личное банкротство. При этом необходимость такого вмешательства время от времени является достаточно спорным вопросом.

В сфере личного банкротства участие государства ограничивается участием уполномоченного органа (Федеральной налоговой службы) при взыскании обязательных платежей с гражданина, поскольку исполнительное производство с подобными задачами не справляется. Остальные области банкротства – преимущественно банкротство кредитных организаций – характеризуется повышенным государственным участием, что, по моему мнению, связано с необходимостью регулирования финансовых потоков [17, с. 12-15]. В случае с личным банкротством подобных финансовых потоков не наблюдается, а преследуется популистская цель практически безусловного освобождения гражданина от долгов. Следовательно, законность и обоснованность вмешательства публичной власти в сферу личного банкротства является вполне допустимой, поскольку не нарушает баланс интересов участников подобных правоотношения.

Обращаясь к балансу ущерба и выгод от процедуры личного банкротства, отметим, что отечественный КС РФ рассматривал ряд положений Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) на предмет конституционности. В контексте одного из дел КС РФ отметил, что исключение ряда социально значимых объектов из конкурсной массы представляют собой чрезмерное, не пропорциональное конституционно значимым целям, а потом и произвольное ограничение права собственности должника и, следовательно, конкурсного кредитора и умаляют конституционное право частной собственности [18]. Следовательно, КС РФ был способен анализировать отдельные законоположения с точки зрения пропорциональности ограничения, а также баланса интересов.

Применительно к балансировке интересов также следует обратиться к толкованию положений ст. 75.1 Конституции РФ на предмет дифференциации различных субъектов, их экономической власти на рынке. В частности, проф.

Е.П. Губин отмечает, что в свете новых положений Конституции РФ имущественная ответственность должна дифференцироваться в зависимости от экономической силы такого субъекта – но российские суды не учитывают фактор, что противоречит и принципу экономической солидарности, и справедливости, и социальной справедливости [19, с. 3-10]. Следовательно, конституционно значимые цели в контексте обеспечения экономической деятельности, в том числе в сфере банкротства, данные цели должны учитываться как высшими судебными инстанциями, так и ординарными арбитражными судами. Поэтому учет данных конституционных целей необходим для соблюдения баланса интересов различных субъектов в рамках личного банкротства, где сталкиваются разнонаправленные субъекты: частный интерес гражданина и имущественный интерес кредитора.

3. Природа личного банкротства: social cost или marginal utility? При анализе личного банкротства основным вопросом, который встает перед государством, является вопрос о том, каким функциональным назначением обладает институт личного банкротства, является ли он – в терминологии экономического анализа права – социальной издержкой (social cost) или инструментом достижения предельной полезности (marginal utility). Наиболее явным образом подобная ситуация проявляется в сфере экономического анализа института личного банкротства, который ставит перед экономической системой основной вопрос: кто платит, или кто будет нести издержки процедуры банкротства и перераспределения долгов?

С одной стороны, государство, создавая институт личного банкротства, не преследует получения каких-либо выгод от подобной процедуры, поскольку количество активов непропорционально интересам государства, а также не сможет существенно перераспределить активы. Сам по себе институт личного банкротства не преследует исключительно экономические цели, направленные на максимизацию прибыли, но на механизм, тождественный предоставлению «вертолетных денег», когда гражданин вправе необоснованно получать заемные

средства без обеспечения их возвратности [20, с. 20-22]. В данном случае государство предоставляет новые правовые возможности для граждан за счет средств кредитных организаций, несущих существенные издержки в связи с возможностью списания денежных средств.

Еще более существенным является возможность т.н. внесудебного банкротства, в рамках которого кредиторы не могут получить совершенно никакого удовлетворения [21]. Данная процедура осуществляется без судебного разбирательства и предполагает списание долгов, если было вынесено постановление о прекращении исполнительного производства в связи с отсутствием имущества, на которое может быть обращено взыскание (проще говоря, при отсутствии активов проще всего списать долги гражданина) [22]. С экономической точки зрения, все издержки несут банки, что, в конечном итоге, отразится на общей экономической ситуации, а также на условиях выдачи кредита. Таким образом, государство лишь за счет третьих лиц перекладывает издержки с себя на третьих лиц в контексте личного банкротства для достижения собственных популистских установок.

При этом некоторые лица рассматривают институт личного банкротства в качестве инструмента достижения предельной полезности, поскольку наличие проблемной задолженности на балансе у кредитной организации. В этой связи данное правовое средство, по мнению некоторых правоведов, было принято не в интересах граждан, но в интересах состоятельных граждан и кредитных организаций. В рамках определения назначения института банкротства граждан следует обратиться к позиции, выработанной С.А. Карелиной и И.В. Фроловым, которая, опровергая мифы о личном банкротстве, обозначила, что реабилитационным потенциалом личного банкротства пользуются, прежде всего, состоятельные граждане, стремящиеся освободиться от взятых ранее обязательств [23, с. 33-34]. С другой стороны, почти за 7 лет существования института банкротства граждан в РФ рядовые граждане также начали прибегать к инструментарию несостоятельности во избежание экстерналий, связанных с

наличием проблемной дебиторской задолженности. Таким образом, законодательство и правоприменение на данный момент не пришли к единому мнению о назначении института личного банкротства, который должен балансировать между развитием экономики и возвратностью кредитных средств [24, с. 14].

В рамках анализа природы банкротства граждан в США, с точки зрения предельной полезности такого института, было обозначено, что потребление должника в период банкротства существенно падает, однако, кредиторы получают удовлетворение своих требований либо имеют возможность списать безнадежную задолженность [25, с. 1-4]. При этом публичные власти и граждане удовлетворены возможностью беспрепятственно избавиться от задолженности во избежание имущественных и публично-правовых санкций. Таким образом, природа личного банкротства, с экономической точки зрения, представляет собой, скорее, механизм обеспечения предельной полезности данного института, который используются всеми участниками оборота для достижения собственных целей. При этом в контексте рассмотрения банкротства как социальной издержки отметим, что она не предоставляет исключительно выгод, или убытков, конкретному лицу, а действует диалектически, предоставляя субъектам возможность достигать свои цели.

4. Краткие выводы. Итогом данного очерка будет, скорее, не формулирование конкретных выводов по вопросу о конституционном значении личного банкротства, а также о ключевой роли данного механизма в контексте конституционного статуса личности, но постановке основных проблем и вопросов межотраслевого характера, которые следовало рассмотреть правовой науке. При этом целесообразно сформулировать ряд выводов.

Несмотря на отсутствие конституционализации категории личного банкротства, она эксплицитно присутствует в положениях Конституции РФ, поскольку проистекает из толкования ряда ее положений (при этом в США банкротство рассматривается через категорию конституционной

исключительности, связанной с тем, что она представляет собой исключительный механизм государственного регулирования). Необходимость в конституционализации данной категории представляется излишней, однако, учет конституционных целей и ценностей, заложенных законодателем, следует принимать во внимание при определении пределов института. Помимо прочего, личное банкротство – неотъемлемая составляющая социально-экономических прав граждан, которые в условиях «новой нормальности» рискуют быть нивелированы. В данном случае личное банкротство – тот самый способ избавиться от долгового бремени и вновь внедриться в социально-экономическую структуру на равных с другими субъектами.

Восприятие института личного банкротства в практике судебных органов следует рассматривать как недостаточное. В основном, внимание банкротству на уровне высших судебных инстанций уделяется в связи с регулированием финансового рынка, но практически не затрагивается социальный компонент банкротства, который в современных обстоятельствах обладает весьма важным значением. В частности, баланс интересов должника, кредиторов и публичной власти может быть найден путем рассмотрения личного банкротства посредством теста на пропорциональность публичного вмешательства.

В контексте рассмотрения экономических основ личного банкротства следует сказать, что вывод о том, что личное банкротство представляет собой исключительно популистский институт не является полностью точным. Во многом в личном банкротстве заинтересованы либо состоятельные граждане, либо кредитные и финансовые организации, стремящиеся освободиться от безнадежной задолженности во избежание регуляторных рисков. В этой связи в легализации и оформлении конституционных основ права на банкротство как элемента конституционного статуса личности заинтересованы не только граждане, но и кредитные и финансовые организации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Авакьян С.А. Социальность как общественная и конституционно-правовая категория // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3.
3. Воеводин Н.Л. Права человека, труд, собственность и государство // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. № 4. 1995.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // «Собрание законодательства РФ», 2006, № 2, ст. 335.
5. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: монография. – М.: Юстицинформ, 2022.
6. Карелина С.А. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2019.
7. Lichtash A. Realigning the American Consumer Bankruptcy System with the Goals of the Fresh-Start Doctrine: A Global Comparative Analysis, 34 Loy. L.A. Int'l & Comp. L. Rev. 169 (2011).
8. 292 U.S. 234 (1934).
9. United States Constitution [Электронный ресурс] // URL: https://constitution.congress.gov/browse/essay/artI-S8-C4-1-2-4/ALDE_00013164/.
10. Lipson J.C. Debt and Democracy: Towards a Constitutional Theory of bankruptcy // Notre Dame Law Review. Vol. 83. 2007.
11. Application no. 47143/06, Case of Roman Zakharov v. Russia, Judgment of 4 December 2015.
12. Application nos. 7151/75, 7152/75, Case of Sporrong and Lönnroth, Judgment of 23 September 1982.

13. Application no. 21593/93, Case of Güleç v. Turkey, Judgment of 27 July 1998.
14. Application no. 29271/95, Case of Dichand and Others v. Austria, Judgment of 26 February 2002.
15. Application no. 18984/91, Case of McCann and Others v. the United Kingdom, Judgment of 27 September 1995.
16. Application no. 32190/96, Case of Luordo v. Italy, Judgment of 17 October 2003.
17. Бруско Б.С. Несостоятельность (банкротство) банков и Конституция России // Предпринимательское право. № 3. 2012.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2000 г. № 8-П «О проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited» // «Собрание законодательства РФ», 2000, № 21, ст. 2258.
19. Губин Е.П. Экономическая деятельность, экономические права и их защита в контексте соотношения права и экономики // Предпринимательское право. 2021. № 3.
20. Bower J.L., Gilson S.C. The Social Cost of Fraud and Bankruptcy // Harvard Business Review 81. № 12. 2003.
21. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ», 2002, № 43, ст. 4190.
22. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // «Собрание законодательства РФ», 2007, № 41, ст. 4849.
23. Карелина С.А., Фролов И.В. Проблемы формирования правовой политики потребительского банкротства в России и их влияние на механизмы банкротства граждан // Закон. 2015. № 12.

24. Карелина С.А. Институт несостоятельности (банкротства) в механизме устойчивого развития рыночной экономики РФ: проблемы совершенствования // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 1.

25. Kashyap A.K., Tsomocos D.P., Vardoulakis A.P. Optimal Bank Regulation in the Presence of Credit and Run Risk // Finance and Economics Discussion Series. – 2017. – Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System.